

Текст: Вячеслав Недошивин, кандидат философских наук, ведущий рубрики

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

ГРАЦИОЗЫ, ТРИОЛЕТЫ И ОТЕЧЕСТВО

РАЗГАДКА ДЕТСКОГО СНА ПОЭТА, УШЕДШЕГО ИЗ ЖИЗНИ 80 ЛЕТ НАЗАД

С

Слава его была повальной. Не поверите, по у окон его дома в Петербурге — считайте, на улице! — ночевали поклонницы, а поклонники, случилось, распрягали лошадей и сами везли его экипаж, как это было в Керчи, Симферополе, в городах на Волге. К ногам его летели бриллиантовые браслеты, золотые брошки обезумевших женщин. А если выступал в девичьей аудитории, в Женском педагогическом или Психоневрологи-

°1
М. Копьев. Поэт Игорь Северянин.
2005 год.

ческом институте, то зал, как напишет один репортер, напоминал свору «беснующихся обезьян...».

Идол толпы, как скажешь иначе? Но годы спустя признается: всё, что бросали и дарили, — раздавал. Цветы, деньги, драгоценности! Себе оставлял только славу.

«Но и она оказалась чертовыми черепками...»

Игорь Лотарев и грациозы

Сразу признаюсь: Северянин, как поэт, не слишком близок мне. Но его, в отличие от многих, нельзя не уважать за «послеславие». Ведь карабкаются на вершины все более или менее одинаково, а вот достойно соскользнуть в пустоту, в забвение, в одиночество — это дано не каждому...

Забывтый на годы в прибалтийской деревне, он, «принц фиалок», «король поэтов» или, как назвал его в 1938-м нобелиат Бунин, «настоящий моряк... в глазах море и ветер», естественно бедствовал: ходил по квартирам эстонцев и предлагал свои книги — в магазинах не брали. И полная беда наступила, когда в Эстонию пришла советская власть. Тогда он и умрет в нищете. И словно сбудется престранный детский сон его, который он не смог разгадать, хотя и думал о нем всю жизнь.

Сон про «ничьи» аплодисменты...

В детстве он был и родословен, и богат. По матери, Наталье Шеншиной, — в родстве с поэтом Фетом, с историком Карамзиным, которого смело звал «доблестным дедом». В материнском доме бывали писатели, художники, музыканты. В Мариинке, главном театре столицы, — постоянное «свое» место, редкая привилегия тогда. «Меня стали усиленно водить в образцовую Мариинскую оперу, — вспоминал позже... — Оперы... очаровали меня... запела душа моя... Мягкий свет люстр, бесшумные половики, голубой бархат театра... В партере, нарядно, бархатно, шелково, душисто, сверкающе, притушенно-звонко. Во рту вкусные конфеты, перед глазами — сон старины русской, в ушах — душу чарующие голоса...»

Сорок раз слушал только Собинова!

А еще в детстве мечтал о славе, знал, что добьется ее и будет «повсеградно оэкрашен и повсердно утвержден». Правда, в стихотворении, написанном в восемь лет, четко предсказал судьбу своей известности: «Вот и звездочка золотая // Вышла на небо сиять. // Звездочка, верно, не знает, // Что ей не долго блистать...» А первым напечатанным стихом станет «Гибель «Рюрика» — про военный корабль, потопленный в русско-японскую войну. «Одна «добрая знакомая», бывшая «добрый знакомой» редактора солдатского журнала «Досуг и дело», передала ему (ген. Зыкову) мое стихотворение, которое и было помещено под моей фамилией: Игорь Лотарев».

ПОСЛЕ ХЛЕСТКОЙ ОЦЕНКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО — ВОЙ, УЛЮЛЮКАНЬЕ, СВИСТ, БРАНЬ — НО И УРАГАННАЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ. ПЯТЬДЕСЯТ ИЗДАНИЙ СРАЗУ ПОПРОСЯТ СТИХИ СЕВЕРЯНИНА!

*2
Игорьку Лотареву
шесть лет, 1893 год.

3
А это первая книга
начинающего поэта.
Санкт-Петербург,
1904 год.

Это потом он придумает себе имя «Игорь-Северянин», которое писалось, представьте, через дефис: «Игорь-Северянин» (так значилось и на визитках его, и даже на медной доске на дверях квартиры, хотя в печати этот «манер» не приживется). Жил тогда все больше в Гатчине, с матерью, в охотничьем дворце самого Павла I, как хвастливо будет подчеркивать в письмах. На всю жизнь полюбит и царский парк, и Приорат, и «Павильон Венеры».

Не отсюда ли вечная страсть его к «изысканности» — все эти гитаны, грациозы, триолеты и фиалковый ликер?

Лев Толстой и упругость пробки

Знаменитым он станет в один день. Да-да! Все случится в Ясной Поляне, в январе 1910 года. До этого с семнадцати лет упорно рассылал стихи по редакциям. Шесть лет выпускал самодельные тетрадки стихов (звал их «брошюрами», их вышло более тридцати), которые «рассовывал» по газетам, и как раз к 1910 году плюнул на это дело.

Но — упорным везет!

Именно тогда писатель Наживин, отправившись в Ясную к Льву Толстому, захватит с собой одну из «брошюр» его. Ради смеха захватит, с Северяниным знаком не был.

«В тот примечательный вечер, — пишет Наживин, — Лев Николаевич играл с домашними в винт и выиграл 7 копеек. После игры читали вслух стихи. Толстой много смеялся, слушая чтение какой-то декадентской книжки. Особен-

но всем понравилось стихотворение, которое начиналось так: «Вонзим же штопор в упругость пробки, // И взоры женщин не станут робки...» Но вскоре Лев Николаевич омрачился. «Чем занимаются! — вздохнул. — Это литература! Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки!»

Очерк Наживица о визите в Ясную опубликует «Утро России», а слова Толстого, отбросив фразу, что стихи «всем понравились», перепечатают чуть ли не все газеты. Словом, на всю Россию грянет отповедь Северянину из уст «великого Льва»: «Чем занимаются!.. Упругость пробки!...»

Вот и все! Судьба поэта была решена.

Конечно — вой, улюлюканье, свист, брань, но и успех — ураганная популярность. Пятьдесят изданий сразу попросят его стихи, а за устройство «поэзо-концертов» Северянина станут едва ли не «драться» Бестужевские курсы, Тенишевка, Петровское училище, Академия художеств.

Слава умопомрачительная, но... Но именно тогда его и стал тревожить почему-то «пре-странный сон», который видел в детстве. А пришло к нему, что он, в златотканой одежде, читал нечто перед темным, но главное — абсолютно пустым залом. И эта безлюдная пасть с зубами-креслами овациями «вызывала» его на бис. Успех грандиозный, но непонятно у кого... Ведь аплодировала-то — пустота...

Он будет мучиться этим сном до самой смерти...

Эгофутуризм и вержетки

В старом деревянном двухэтажном доме в Петербурге, в редакции газетки «Глашатай», родился эгофутуризм Северянина, здесь собирався «Директориат» его — «фантасты и грезёры».

«Сложившись по полтора рубля, мы выпустили манифест эгофутуризма, — вспоминал Георгий Иванов. — Написан он был простым

и ясным языком, причем тезисы следовали по пунктам. Помню один: «Призма стиля — реставрация спектра мысли»...»

Просто и ясно, не так ли?

Впрочем, довольно скоро, да что там — почти сразу, выяснилось, что все состояние «спонсора» Игнатъева (редактора «Глашатай». — Авт.) составляли только огромная тройная золотая цепь и хорьковая шуба. Они часто отправлялись теперь в ломбард, чтобы выкупить очередную «эдицею» в 15 страниц. Но «новаторов» это не смущало. Шумные «поэзовечера» (Северянин «вылетал» на сцену с цветком в петлице, а Георгий Иванов, по его наущению — с красным платком на шее) чередовались с шумными попойками в редакции.

Пирушки звали «поэзопраздниками», о них извещались журналисты специальными «вержетками» (программками, напечатанными на бумаге верже). Прилагалось и меню ужина: «Крем де Виолетт», «филе молодых соловьев»... Поклонявшийся тогда Северянину никому не известный еще Маяковский даже ляпнет как-то, что «Крем де Виолетт» Северянина глубже всего Достоевского. «В действительности, — пишет Г. Иванов, — было проще. Полбутылки Крем де Виолетта украшали стол в качестве символа изящества». А вот водки и вина было так много, что гости становились невменяемыми. Тогда и становились возможны вещи «совсем дикие»: стрельба по голубям на чердаке, дикие пляски, даже раскраска лиц. Одному пожилому уже человеку, «соблазненному футуризмом», выбрили полголовы и, закрасив ее зеленой краской, нарисовав на щеках зеленые вопросительные и красные восклицательные знаки, выпустили на улицу.

Гуляй, дядя!

Неудивительно, что «шатенному трубадуру» смертельно завидовал Маяковский — «то ли дружий враг, — говорил Северянин, — то ли вражий друг». Нет-нет, они вместе разъезжали по

*4
Игорь Северянин,
«шатенный трубадур».

*5
Участники «поэзо-
праздников»: Анаста-
сия Чеботаревская,
Федор Сологуб, Игорь
Северянин (сидят);
Владимир Сидоров
(Вадим Баян), Борис
Богомолов (стоят).
1913 год.

России, читая стихи, но Маяковский вечно и мелко задирает вчерашнего кумира своего. Однажды в Керчи нарушил уговор, вышел на эстраду в желтой кофте. Северянин обиделся и тем же вечером выехал в Петербург. Выйдя с вокзала, увидел похоронную процессию. «Кого хоронят?» — спросил мимоходом. «Какого-то футуриста».

Хоронили Игнагьева, редактора «Глашатая». Тот в день свадьбы своей зарезался бритвой. Так заплатил за мимолетную славу.

Но ведь платил за нее и Северянин.

Платил жизнью. Перед смертью признается: ему очень мешала в отношениях с людьми его «строптивость и заносчивость юношеская, самовлюбленность глуповатая и какое-то общее скольжение по окружающему. Это относится и к женщинам. В последнем случае последствия иногда бывали непоправимыми и коверкали жизнь...»

Так окажется со Златой.

Первая любовь и революция

Влюбчивый Игорь (у него только в детстве было пять «романов», которым он вел чуть ли не бухгалтерский учет) встретит «свою Злату» в Гатчине. Вообще-то ее, девушку «в сиреновой на-

*6
Евгения Гуцан-Злата.
1900-е годы.

*7
Дочь поэта Тамара.

кидке», трудолюбивую белошвейку, звали Женечкой Гуцан. Она снимала угол в Петербурге, зарабатывая шитьем у модной портнихи, а к отцу в Гатчину, после смерти матери, приезжала по воскресеньям «навещать и обиходить». Поэт влюбился в нее так, что однажды весь день шел к ней из Петербурга в Гатчину по шпалам. Продал любовно собранную библиотеку, чтобы в столице снять комнату, в которой они проведут три «сладостных недели».

Любил, но подарить мог только стихи да свою лодку по имени «Принцесса Грёза».

Реки, море обожал, Бунин не ошибся. Но, однажды, катаясь на своей «Принцессе», вдруг познакомится с тремя хохочущими женщинами, чья лодка застряла под игрушечным мостиком. «Одна из дам была в возрасте, другая — слишком молода, — пишет Михаил Петров, биограф его, — а вот третья оказалась любезной интересной брюнеткой, лет двадцати семи, кокетливой и пикантной по имени Дипа». Вот с ней и ее сестрой, Зиной, девушкой с «голубыми ленивыми глазами», он и изменит Злате.

Свою дочь от нее, Тамару, поэт увидит лишь через 16 лет, а Злату, самую большую свою любовь, тогда же снова предаст...

Она в самый пик его успеха, похоронив старика-мужа и любя поэта по-прежнему, ждала, что теперь-то он женится на ней. Но того уже цепко держала при себе опытная соблазнительница, актриса Балькис Савская, дочь офицера, исполнительница цыганских романсов, в миру — Мария Домбровская. «Моя 13-я», — бросал он о ней сквозь зубы. Бросал для саморекламы, потому что на деле давно уже потерял счет своим победам. А Злата, отвергнутая вторично, выйдет замуж за немца, станет Евгенией Гуцан-Мепекс. Про Игоря решит, что он погиб в годы революции и Гражданской войны.

И вдруг уже в 1921-м, в берлинской газете «Голос России», натолкнется на его «Поэзу отчаянья».

Сначала обрадуется — жив, а потом, по стихам, сердцем поймет — ему плохо. Через редакцию газеты разыщет его в Эстонии. Одно письмо ее из Берлина сохранилось:

«Мой дорогой друг... Мой так близко родной. Я ведь не знала, что твой высокий дух не угас. Я думала, что страсть и любовь затмили твою душу... Ты прав, родной, что дух для России гужнес тела. Ты сразу перерос мои мысли, мой взгляд. О, как я люблю тебя за твою душу, Игорь... Сколько ночей я не спала...»

Потрясенный Северянин тогда же напишет поэму о первой любви «Падучая стремнина». Они даже увидятся потом — там, в Берлине.

И снова он предаст ее.

«Нева» и купол Исаакия

Один знакомый Северянина как-то скажет: женщины любили его за умение «драпиро-

ЗЛАТА СНАЧАЛА ОБРАДУЕТСЯ — ЖИВ, А ПОТОМ ПО СТИХАМ, СЕРДЦЕМ ПОЙМЕТ — ЕМУ ПЛОХО. РАЗЫЩЕТ ЕГО В ЭСТОНИИ. ПОТРЯСЕННЫЙ СЕВЕРЯНИН НАПИШЕТ ПОЭМУ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ. И СНОВА ПРЕДАСТ ЕЕ...

вать» их. Раздеть барышню, дескать, дело нехитрое, а вот украсить, закутать, задрапировать — тут равных ему не было. Оттого и доверялись ему девушки, чувствовали родственную душу и сплетничали с ним, как с подружкой. Он и проститутку делал светской дамой, а уж «горничку» (горничную) — ту вообще превращал в королеву.

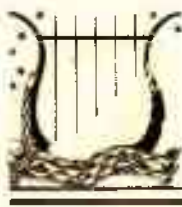
Любовь правила жизнью его. Даже в стихах написал: «Кого мне предпочесть из этих дев? Их имена: Любовь и Слава». Ведь прожив 53 года, он ухитрился ни разу нигде не работать и не служить. Сначала существовал за счет родственников, предоставлявших ему бесплатное жилье и 50 рублей ежемесячно, потом — за счет жен да любовниц. Послужил, правда, в Первую мировую — в Новом Петергофе, в 3-м запасном пулеметном полку. Но к войне он, призывавший когда-то в патриотическом угаре идти «на Берлин» («Я поведу вас на Берлин!»), отнесется, мягко сказать, прагматично.

«Рисковать своей великой жизнью, — напишет одной актрисе, — можно только вдохновенно, громогласно, блистательно!..»

Увы, в полку заработает лишь «блистательную» кличку — «Мерси». Ему, рядовому необученному, так и кричали, смеясь: «Эй, «Мерси»» — после того, как во время стрельбы новобранец Лотарев из пяти выстрелов трижды поразил мишень. Батальонный командир гаркнул: «Молодец, солдат!» На что Северянин тонко пискнул: «Мерси, господин полковник!..»

«Мерси», кстати, не самая обидная кличка его. При советской власти его будут звать

**ИГОРЬ СЕВЕРЯНИНЪ
ЗАСТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ**
Частичная поэма

°8
Игорь Северянин и его дамы. Шарж. 1915 год.

°9
«Моя поэзия: Исповедь Игоря Северянина». Синий журнал, № 1. Санкт-Петербург. 1913 год.

°10
Игорь Северянин. «За струнной изгородью лиры». 1918 год.

Впервые повесть написана в 1912 г. была даже организована «акция Это-Норина», после чего М. В. Удальцов стал издавать газету «Вестник Гамбург», около которой и группировались члены «Синифуристич». В ноябре 1912 г. и выгнаны «Синифуристы» и перешли быть «Синифуристы»: это группа была выгнана, догнана: «В-бу» будущая — стала для него основой. Именно в этот период писал «Синифуристы», но, оставшись, среди них никто не считал, которые имело не узнать своего восторга была «Синифуристы». Именно эту стихотворную беззастенчивость и тугого трюма. Чем же является «Синифуристы» — кубо-футуристы и «Синифуристы» — кубо-футуристы и «Синифуристы», а в в них была и соперник на поэзии. Рядом с ней «Синифуристы» и «Синифуристы». Из современных русских поэтов больше искал своего Северянин. Не только очень талантлив, но особенно талантлив и «Синифуристы» «Синифуристы» у него ходит: какой-то истинный поэт не боится!

и «фон-бароном», и «актером погорелого театра» — покуда не переедет в Эстонию.

Разве знал он тогда, что в 1920-м Эстония станет суверенным государством, а он — эмигрантом?

Любимую Неву «увидит», лишь когда его проездом навестит в Эстонии Федор Раскольников, бывший муж Ларисы Рейснер и пока еще посол Советской России. Увидит на коробке папирос — были такие папиросы «Нева». Начатую коробку, прощаясь, гость оставит ему на память.

Там, в Эстонии, в Тойле, в деревенском доме на высоком берегу моря, Игорь Северянин проживет шестнадцать лет. «Безукоризненная почта, — писал об этом местечке, — аптека, струнный и духовой оркестры, два театра, шесть лавок... лаун-теннисные площадки, и пансионеры». Не сообщил, правда, что в деревеньку не провели электричества, но уверял, а скорее — верил, что «в очень хорошую погоду хорошие глаза купол Исаакя видят».

Любимый город.

Эмиграция и Родина

Там, в Тойле, он, наконец, женится («осупружится»). Обвенчается с юной дочерью местного плотника Фелиссы Круут, «ненаглядной эсточкой». Северянину 34, ей — 19, но брак окажется долгим, продлится без малого полтора десятилетия.

«Она была младше его и, вместе с тем, очень старше, — вспоминал их знакомец. — Относилась как мать к ребенку; хорошему, но испорченно-

му. Она не смогла его разлюбить; но научилась не уважать. Была поэтесса и совершенно «не мешанка». И была, хоть и писала русские стихи, телом и душой эстонка... А Игорь Васильевич? Он был совершенно непутевый; 100%-ная богема; и на чисто русском рассоле. Она была от балтийской воды; он — от российской водки».

Да, он пил, но Фелисса отучит его от пьянства. И хотя в ней ничего не было, что нравилось поэту (ни обаяния, ни игры, ни кокетства, ни изящества), она была основательна, практична, тверда и, как пишут, — обладала «врожденным даром верности». Редкого характера была женщина. Однажды они с Северяниным попа-

жей на него — совершенно богемной. А вот Злата была уже другой: во-первых, она стала членом компартии Германии, а, во-вторых, решительно была за возвращение Северянина в СССР. Но Фелисса оказалась упрямей.

Северянин сдастся и окончательно расстанется со Златой...

А Фелисса, «эсточка», «моряна», «свежесть призаливная» разведет его не только со Златой — с Родиной. Это случится там же, в Берлине, где его уже не узнавали, да и не признавали братья-писатели: и те, кто наезжал из СССР, и те, кто остался в эмиграции.

«Подумать страшно, я живу нахлебником у простого эстонца-мыйжника, — жаловался Ирине Одоевцевой. — Только от того, что женился на его дочери. Я для него не знаменитый поэт, а барин, дворянин, сын офицера. За это он меня и кормит. Ему лестно. А я ловлю рыбу. И читаю свои стихи речным камышам и водяным лилиям — нениюфарам...»

Рассказал, что приехал в Берлин переиздать книги. «Но куда там!.. — махнул рукой. — Объяснили: вы больше никому не нужны и не интересны. Устроить вечер и тот не удалось. А мерзавец Толстой в ресторане «Медведь», хлопнув меня по плечу, заголосил, передразнивая: «Тогда ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин!» — расхохотался идиотски во всю глотку: — Молодец вы, Северянин! Сдержали слово — привели нас, как обещали, в Берлин»...

Но когда поэт начал читать Одоевцевой стихи, она услышала Поэта: «Прав был Сологуб, — напишет, — прославлявший его, «большого русского поэта»...»

Там же, в Берлине, уже купив билеты в Эстонию, домой, Северянин устроит «отвальную» в одном из ресторанов. И там-то, уже ночью, Фелисса вдруг испугается, что они опоздают на поезд и их эстонские билеты пропадут. Толстой, Кусиков, все за столом даже обрадуются этому, закричат: «Ура — достанем билеты на Москву!..» Все были горой за его возвращение в Россию.

Но Фелиссу как раз это «ура» просто подбросит со стула. Она как угорелая выскочит из ресторана и кинется бежать, куда глаза гля-

ФЕЛИССА, «ЭСТОЧКА», «МОРЯНА», «СВЕЖЕСТЬ ПРИЗАЛИВНАЯ» РАЗВЕДЕТ ЕГО НЕ ТОЛЬКО СО ЗЛАТОЙ — С РОДИНОЙ. ЭТО СЛУЧИТСЯ ТАМ ЖЕ, В БЕРЛИНЕ, ГДЕ ЕГО УЖЕ НЕ УЗНАВАЛИ БРАТЬЯ-ПИСАТЕЛИ

дут в железнодорожную катастрофу — паровоз и их вагон полетят под откос. «Кажется, гибнем?!» — успеет крикнуть поэт. «По всей вероятности», — спокойно ответит Фелисса. Когда же вагон замрет, она, сидя на спинке какого-то покосившегося кресла, вынет из сумочки зеркало и как ни в чем не бывало начнет пудриться. Дым, люди с факелами, крик изувеченного насмерть машиниста, а она — с зеркальцем. Каково?

И она же потом, когда Северянина найдет в Эстонии его Злата, круто потребует вдруг от мужа не только не встречаться с первой любовью, но даже не видеть Тамару — взрослую дочь...

Дочь, уже танцовщица, выросла очень похо-

* 11-13

Игорь Северянин, Фелисса Крут и их дом в эстонской Тойле.

дят. Поэт бросится за ней и догонит ее только на окраине. Уедут, не вернувшись в ночной ресторан и даже не попрощавшись...

Фелисса объяснит: она не хотела схать в Москву вовсе не из-за «коммунизма», нет, боялась, что «русские экспансивные женщины» уведут от нее ее Игоря. А он позже признается: «Жаль, не нашел тогда в себе силы с нею расстаться: этим шагом обрек себя быть без вины виноватым перед Союзом...».

Любовь разведет с друзьями и оторвет от Родины.

«Как свежи будут розы...»

Северянин умрет 20 декабря 1941 года в оккупированном немцами Таллине. На могильном камне (вернее, на тонкой мраморной доске, прислоненной к ограде) будет выбито: «Как хороши, как свежи будут розы, // Моей страной мне брошенные в гроб...» Именно эту «дощечку» застану я почти сорок лет назад, когда найду на кладбище его заброшенную могилу...

Но встретились мы с ним гораздо раньше.

До эмиграции, до 1918 года, Северянин жил в Петербурге на Средней Подъяческой. В моем детстве эта улица пользовалась дурной репутацией. Мы, мальчишки, сбивые в колочую стаю, горланившие песенку: «Корабли закорили бухты, привезли из Африки нам фрукты...», эту улицу обходили — кулаков не хватило бы на местных хулиганов. Но каково было мое удивление, когда я прочел, что и до революции эта улица славилась бандами. И уж вконец был сражен я, когда в стихах Северянина, напечатанных не так давно, вдруг обнаружил нашу песенку про корабли, «заякорившие» бухты.

Его стихи оказались!

Поэт с матерью и гражданской женой Еленой Золотаревой-Семеновой (от нее у него тоже, как и от Златы, родится дочь, которую они назовут Валерией — в честь Брюсова) с 1907 года жил в доме № 5 по Средней Подъяческой, в бельэтаже. Единственным недостатком этого жилья было то, что вход в него был через кухню.

Это и Иванов утверждал.

«Мне открыла, — пишет он, — старушка с руками в мыльной пене. «Вы к Игорю Васильевичу?» Я огляделся. Это была не передняя, а кухня. На плите кипело и чадило. Стол был завален невымытой посудой. «Принц фиалок» встретил меня, прикрывая шею: он был без ротничка...»

Возможно, так же, по-домашнему, Северянин встретил здесь и Маяковского, которого привел поэт Бенедикт Лившиц. «Жестом шателена Северянин пригласил нас сесть на огромный, дребезжащий всеми пружинами диван...». Крутом были папки, кипами сложенные на полу, несчетное количество высохших букетов по стенам. Темнота, сырость, обилие сухих цветов напоминали склеп. Нужна была дей-

ствительно незаурядная фантазия, чтобы, живя здесь, воображать себя владельцем воздушных «озерзамков» и «шалэ». «Был час приема поклонниц, — пишет и Лившиц. — В комнату влетела девушка в шубке. Северянин взял из рук гостьи цветы и усадил ее рядом с нами...». Потом — еще одна. «Маяковский пристально рассматривал посетительниц, и я уловил то же любопытство, с каким он подошел к папкам с газетными вырезками. Бумажная накипь славы волновала его своей близостью. Это была деловитость наследника, торопящегося подсчитать грядущие доходы»...

Нюхом чувствовал Владим Владимыч, что «грэзёру» уже не долго грезить...

Да здравствует король!

В 1918-м, перед эмиграцией, в жизни поэта произошли два события. Одно — тихое и темное: Северянина официально запретили печатать на Родине. А второе — громче, кажется, и не бывает. В феврале 1918 года его публично, в Политехническом, избрали «королем поэтов». Последним «королем» русской поэзии, больше их не избирали.

И знаете, кого победил в том «сражении»? Маяковского! Тот от обиды даже гаркнет с эстрады: «Долой королей — теперь они не в моде!..»

Через десять лет в Париже Маяковский признается художнику Анненкову, что... перестал быть поэтом, стал просто «чиновником». И — расплатится. И примерно тогда же Цветаева, тоже в Париже, после двух «поззоконцертов» пищего Северянина, напишет ему: «Среди стольких призраков, привидений, вы один жизнь. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей!..»

И что? Разве это не победа?!

* 14
Игорь Северянин
в Польше. 1928 год.

* 15
Могилы поэта на Александровском кладбище Таллина. «Как хороши, как свежи будут розы...»

